

НРАВСТВЕННОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ КАК САКРАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Говоря об “актуальных проблемах современного религиоведения”, следует обратить внимание на присущую нашему времени мировоззренческую трансформацию исходного понимания религии и ее смысловых оснований.

Речь идет о парадоксальном факте количественного роста людей, декларирующих свою “религиозность” и вместе с тем почти не знакомых с религиозной догматикой и герменевтикой церковной литургии. Религия в качестве “веры в сверхъестественное” (в ее монотеистической версии) все более превращается (внутри “онтологии повседневности”) в эклектический симбиоз формально исполняемых религиозных таинств, профанной захваченности языческими суевериями, квазирелигиозными “симулякрами” неортодоксальных сект, политическими пиар-кампаниями и культурными эрзацами всевозможных “реалити-шоу”.

По-видимому, это не так уж и случайно. Возможно, назрела необходимость в мировоззренческом переопределении самого феномена религиозности. Скорее всего, следует найти нечто такое в культурно-историческом опыте человечества, что оказалось бы “местом встречи” верующих и неверующих, догматических архетипов религиозной веры и экзистенциальной тяги человека к Трансцендентному.

“Потусторонность” Бога как Творца и Вседержителя должна быть органично и деликатно (без пантеистических издержек) переосмыслена в направлении антроподицейных (выражаясь категориями русской религиозной философии) свершений человеческого бытия, в направлении смысловой экспликации “богочеловеческих” ресурсов самого человека. Если этого не произойдет, тогда философский диагноз Ницше, согласно которому “Бог умер”, окажется (рано или поздно) цивилизационным приговором.

Каков же выход из сложившейся ситуации “псевдовер(ы)” и что может представлять собой “религиозность XXI века”? Где это искомое пространство “общей заботы и попечения” людей, нуждающихся в “земле обетованной” для своего взыскующего духа? Что могло бы послужить “образом и подобием” воссоединения “человеческого, слишком человеческого” и Запредельного? Для

ответа на поставленные вопросы воспользуемся рядом культурно-исторических сюжетов религиозного и эстетического плана, интерпретировав их в контексте нравственного самоопределения личности как "символические свидетельства" того, что является "Должным в сущем".

В религиозном словаре есть весьма богатое онтологическими возможностями слово "сакральное", которое оказывается "пограничным" не только для сторонников языческих и монотеистических картин мира, но и вполне приемлемо в качестве "универсалии культуры" в целом. Дело в том, что словом "сакральное" традиционно маркируется все то, что по своему смысловому значению способно порождать экзистенциальный о(т)клик и резонанс в человеческих переживаниях бытия, задавая этому бытию "трансцендентные измерения" духовных прозрений.

Сакральным смыслом могут обладать и кантовское восхищение "звездным небом над головой", и эстетический катарсис произведения искусства, и шепот любовных признаний, и лепет младенца, и великодушие победителя над мужеством поверженного врага, и гагаринское "Поехали!", и подвиг анонимного жителя тысяч безвестных праведников, и многое-многое другое.

Что же объединяет эти разноликие события человеческого бытия? Если воспользоваться языком религиозного сознания, тогда можно сказать, что в каждом из них происходило и произошло нечто "сродственное" ТАИНСТВУ ПРИЧАСТИЯ, когда человек парадоксальным (как бы "сверхъестественным") образом "обретал Бога или Божественное в себе", трансформировал трансцендентное в имманентное, переживал спонтанно осуществившуюся в нем встречу с чем-то Иным, исполненным подлинного смысла и таинственного пригласения к соучастию.

Как нам представляется (под этим углом зрения) сакральным смыслом обладает и то, что мы называем "нравственным самоопределением личности", ибо вся человеческая жизнь (в каждом своем бытийном акте) абсолютно предполагает (имманентный) выбор (трансцендентного по своим бытийным последствиям) сценария жизни и фундирующего его ценностного универсума.

Вопрос, однако, заключается в том, каковы (должные) основоположения этой "Библии (повседневной) жизни", в чем проявляется ее "сакральность", обеспечивающая искомую "религиозность" человеческого бытия? Обозначим, ключевые для обсуждаемой темы, стратегии ее этического осмысления.

1. Парадигмы Бердяева и Гоголя.

Как известно, Н.Бердяев видел богочеловеческую миссию человека и человечества в Творчестве. Благодаря и посредством Творчества Иного (с "человеческим лицом") человек оказывается "подобен" Богу. Он не только соучаствует в Творении, но и "дополняет" Бога. *Быть Творцом – нравственная обязанность человека, свидетельство его "присутствия в бытии"*. Вместе с тем, творчество всегда трагично, т.к. постоянно "оконечивает бесконечное", умирает в своих "объективациях". Следовательно, и каждый человеческий поступок, как творческий выбор себя и Иного, чреват казуистической формальности, перерождением в "соблазн нравственного автоматизма

и привычки". Священнодействие (нравственного, по своему бытийному пафосу) Творчества всегда рискует превратиться в простое воспроизводство "стандартизированных клише", когда даже искупительная жертва на Голгофе ретранслируется в культуре в виде театрализованных (квазиреальных) имитаций религиозных фанатов. Сакральное (Творчество в том числе) фарсово профанируется, этическое самоопределение превращается в эстетику механических заимствований, "буква", в очередной раз, побеждает Дух.

В свою очередь, Гоголь являет собой пример Творца подвергшего у-НИЧ-ТО-жению воплощение собственного творческого замысла. Традиционно это объясняют духовным "нездоровьем" писателя, его психосоматическим разладом с самим собой. Однако возможно и совершенно другое, сакральное прочтение данного поступка. Обнаружив, что сотворенное им литературное произведение (эстетически) несовершенно, не воплощает (по Истине и в Идеале) его творческие интенции, и обостренно переживая "несовершенство бытия", Гоголь не счел для себя (этически и религиозно) допустимым наращивать бытийное несовершенство мира, своим несовершенным детищем.

Таким образом, Бердяев и Гоголь обращают наше внимание на сакральность человеческого Творчества, ставящего человека перед лицом нравственного самоопределения между Сциллой несовершенства (сотворенного нами) и Харибдой псевдопоисков "последних алгоритмов" праведного бытия.

2. Парадигмы этического "грехопадения" в несовершенство и эсхатология ("Страшный Суд") нравственного самоопределения.

Религиозное сознание трактует понятия "греха" как "промах мимо цели", как уклонение от творческого ИСПОЛНЕНИЯ собственного предназначения. Тем самым сакрализуется бытийная "уникальность" всякого человека. В этой связи грехопадение нравственного самоопределения имеет место там и тогда, где и когда человек предаёт забвению и перестаёт бытийно драматизировать сам факт своего свободного выбора в пользу, так или иначе понимаемого, Должного. Однако само Должное выступает здесь как особая (столь же сакральная) проблема.

Дело в том, что человек смертен, временен, конечен в пространстве и времени. Следовательно, он всегда существует не только перед лицом Несовершенства, но и перед лицом Вечности (Бога или Небытия). А значит, у него нет возможности "начинать свое бытие" в качестве ищущего свое предназначение и сопротивляющегося пропастям несовершенства с искусственно и символически обозначенного "понедельника". "Завтра" начинается "сегодня"!

Сакральность (должного) нравственного самоопределения заключается поэтому в том, чтобы, рискуя моральной репутацией и самой жизнью, начинать всегда и всякий раз с самого себя ответственную (эсхатологическую) миссию зондирования сущего на Должное. В этом "категорический императив" сакральности нравственного самоопределения. *Не соотвечествовать, а ОТВЕЧАТЬ!*